

²³ «Не сказать ничего не означает сохранение нейтралитета. Не сказать ничего может быть более значимо, чем сказать что-нибудь» (*Berreman D. Is anthropology alive? Social Responsibility in Social Anthropology//Current Anthropologist. 1968. Vol. 9. P. 392.*

Silence in the Darkness (An Essay on German Ethnology during the National Socialist Period)

The title refers to the attitude of certain German ethnologists towards the ethical imperative of social responsibility. For ethnologists, social responsibility means an ever present act of choice, a continuous decision-making process, which the precept of norms imposes upon them, and which places them in a position to recognize what their duty to all societies is. The author tried to illustrate how certain constituent elements of National Socialist ideology hindered this choice.

The ideology of nationality sprang from the suffering born of national alienation, while the specific ideology of race was rooted in the fear of social alienation experienced by the privileged classes of the 19th century industrial society under pressure from the working class movement. The attempts to overcome this alienation culminated in the synthesis of the national and racial ideology whose focus was, ultimately, the social and cultural renown of the Nordic race which formed the core of the revitalizing concept of National Socialist ideology. This concept laid down the rebuilding of national culture as an essential keystone for all Germans. Here we see how such ideologies can produce negative effects on the ethical decisions of ethnologists.

W. Dostal

© 1993 г., ЭО, № 5

Г. Е. Марков

НАРОДОВЕДЕНИЕ В ГОДЫ НАЦИЗМА. КРУШЕНИЕ НАУКИ

По традиции, сложившейся в начале второй половины XIX в., три национальные ветви науки о народах, задачей которых было изучение культуры, быта и психических особенностей населения Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии, именовались «немецким народоведением». Его идейные и теоретические основы, методы исследования были восприняты у романтической германистики, а предмет — у так называемой «государственной науки» Германии первой половины XIX в., занимавшейся описанием местностей и их населения, его быта и особенностей, изучавшей демографические процессы¹.

В течение второй половины XIX в. в народоведении, главным образом в Германии, стали постепенно проявляться все более заметные националистические, а затем и выраженные шовинистические тенденции. Утверждалось превосходство носителей немецкого языка над другими народами, немецкий народ рассматривался как некое изначально мистическое социальное целое в виде расы, наследовавшей особые выдающиеся черты, дающие право руководить другими народами. Этот комплекс идеологических представлений включал догму «земли и крови», отстаивавшей право немцев на обширные территории, представление о «национально-народном» (*völkisch*) характере немецкого общества, преданности своим вождям, о «расе как судьбе народа» и многое другое².

Концепции народоведения привлекли еще до 1933 г. внимание идеологов нацизма, и в частности Альфреда Розенберга, что нашло отражение в его самой крупной работе — «Миф XX столетия»³.

Националистические и шовинистические идеи отразились в работе над «Атласом немецкого народоведения» (ADV), вокруг создания которого объединились в

1920-х годах усилия значительной части народоведов. Эти идеи, как и многие положения народоведения, оказались весьма созвучными нарождающемуся нацизму, который принял многие из них на вооружение и использовал в своей пропаганде.

С приходом Гитлера к власти сначала в Германии, а начиная с 1938 г. и в Австрии развернулись процессы, получившие наименование «Gleichschaltung» и «Selbstgleichschaltung», что означало «присоединение» и «самоприсоединение» к нацизму и его идеологии, тотальную идеологическую унификацию. К этой унификации примкнула значительная, если не большая часть народоведов. Многие из которых стали активными приверженцами нацистского режима, как их называли, «барабанщиками режима». Многие, особенно не слишком известные ученые, стали, не брезгуя самыми низкими средствами, доказывать свою преданность новым властям. Участились взаимные доносы в связи с якобы недостаточной лояльностью. Народоведы принимали участие в сожжении неарийских книг. нередко вступали в нацистскую партию.

Сразу же после победы Гитлера в 1933 г. «Союз немецких обществ народоведения», объединявший практически всех представителей этой науки, принял решение об активном сотрудничестве с национал-социализмом.

Но в нацистском руководстве сложилось неоднозначное отношение как к немецкому народоведению в целом, так и к его отдельным представителям. Довольно значительные усилия к «нацизации» народоведения и его поддержке прилагали Альфред Розенберг, Хайнрих Гиммлер и некоторые другие нацистские лидеры. В отличие от них Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс относились к народоведению, как и часть их окружения, недоброжелательно и с подозрением, полагая, что ряд его идейных установок не вполне соответствует нацистскому мировоззрению. Это нашло отражение в напаках на традиционное народоведение. Так, один из идеологов нацизма, близкий к народоведению, писал: «Душный, возбуждающий воздух эпохи кризиса (имеется в виду время, предшествовавшее приходу нацистов к власти.— Г. М.) просто-напросто не хотел выветриваться из народоведения»⁴. Другой деятель такого же рода называл «главными врагами национал-социалистического народоведения либерализм, узкую специализацию, интернационализм, метод привлечения сравнительного материала по „неполноценным“ народам, наконец, учение Ханса Наумана об „опущенном культурном достоянии“ (Gesunkenes Kulturgut)»⁵. Конечно, о либерализме немецкого народоведения можно говорить лишь довольно условно; это был либерализм лишь в глазах наиболее правоверных нацистов, тем более что гитлеровскому режиму были нужны не наука, а броский лозунг, призыв к действию, идеологические аргументы в политической демагогии, в обосновании права на агрессию. Вот что писал об этом видный идеолог нацизма: «Нам не нужен научный национал-социализм, мы хотим национал-социалистскую науку»⁶.

Но как бы там ни было, народоведение все же считалось в нацистском государстве важным идеологическим инструментом, в результате чего произошло известное оживление народоведческой деятельности. В частности, в университетах основывались новые кафедры народоведения, получавшие некоторую материальную помощь. Но сразу же следует отметить, что на деле это оживление было мнимым, поверхностным, малоэффективным. Как и вся наука в гитлеровской Германии и Австрии, народоведение оказалось в жесточайших тисках политической цензуры и нацистской кадровой политики. Немецкое народоведение, ставшее существенной составной частью нацистской идеологии и пропаганды, потерпело в конечном результате как наука полное крушение.

В ходе становления «национал-социалистского народоведения» возникли три его основных центра. Первый был образован еще в 1934 г. в виде «Имперского общества немецких исследований народа». В него вошли наиболее авторитетные и известные народоведы, такие как Адольф Шламер, Отто Лауфер, Артур Хюбнер и др. Хотя они декларировали свою приверженность национал-социалистскому

народоведению, большая их часть продолжала работать в традиционном духе так называемого «канона», что не исключало попыток обоснования наиболее важных для нацистской идеологии положений, таких как связь психологии и расы, ведущая роль вождей в обществе и т. п.

В противовес этому в общем-то традиционному народоведению в 1936—1937 гг. под руководством А. Розенберга, Бальдура фон Шираха и некоторых других видных нацистов было основано «Рабочее сообщество немецкого народоведения», получившее среди ученых прозвище «коричневое народоведение». В общество вошел ряд довольно известных народоведов, целиком поставивших себя на службу нацизму. Это Маттес Циглер, Эдмунд Мундрак, Карл фон Шписс и др.

Наконец, возник центр так называемого «черного народоведения» непосредственно при СС и «Кружке друзей рейхсфюрера СС Гимmlера». Членами кружка стали никому не известные лица в науке, считавшие себя специалистами в области народоведения.

Между представителями этих трех центров происходило постоянное соперничество и велась ожесточенная борьба за преимущественное право считаться основными представителями национал-социалистского народоведения. Так, представители первого центра Виль Эрх Пеукерт, Отто Лауфер, Фридрих Ранке и др. облекали свои, в общем-то традиционные взгляды, соответствовавшие традиционному «канону» народоведения, в трескучую нацистскую фразеологию и вели нескончаемые дискуссии с фашиствующими расистами и мракобесами из «коричневого народоведения» — Циглером, Мундраком, Шписсом и др.

Для характеристики взглядов «коричневого народоведения» достаточно привести определение задач и существа немецкого национал-социалистского народоведения Циглером. Он писал: «Немецкое народоведение — это наука о существе и условиях жизни господствующей расы, традиционном мире представлений немецкого народа, наиболее живом в обществах, которые ближе всего стоят по своим вечным связям к крови и земле»⁷.

Позиции «черного» направления в народоведении были научно настолько незначительны, что их представители ограничивались политическими декларациями и демагогической критикой не угодных властям ученых.

Однако названными выше тремя как бы официальными направлениями течения в немецком народоведении не ограничивались. Существовала еще небольшая группа ученых, по своим убеждениям достаточно консервативных, сторонников традиционного «канона» и «народной идеологии», однако пассивно или даже активно враждебных нацистскому режиму. В годы нацизма эмигрировал из Германии Фридрих Ранке. Р. Крисс был приговорен за антинацистскую деятельность к смертной казни, но затем освобожден по ходатайству высокопоставленных друзей. Курт Хуберт был казнен в 1943 г.

И все же наиболее прочными в немецком народоведении в 1930-х и первой половине 1940-х годов были традиционные взгляды «канона», романтической германистики, в сочетании с психологическими и этносоциологическими концепциями Э. Дюркгейма, Леви-Брюля, Р. Турнвальда. В то же время в работах большинства немецких исследователей в той или иной мере проявлялось воздействие расовой теории, концепции «земли и крови», политической фразеологии нацизма.

Число работ по народоведению, опубликованных в рассматриваемое время, довольно велико. Но детально рассматривать их в настоящей статье нет возможности, причем не только вследствие значительности их числа, но и потому, что большая часть публикаций была посвящена либо чисто эмпирическим исследованиям, либо попыткам обосновать нацистские доктрины данными народоведения. Поэтому представляется целесообразным остановиться на трудах и теоретических взглядах наиболее известных народоведов, а также рассмотреть основные в годы нацизма направления исследований в области народоведения.

Среди немногих исследователей, продолжавших в рассматриваемое время

заниматься теоретическими проблемами науки о народах, в первую очередь следует назвать Адольфа Шпамера, Адольфа Баха и Ханса Наумана. Лишь попутно затрагивали теоретические проблемы в своих главных образцах эмпирических трудах Отто Лауфер, Виктор Герамб, Артур Хаберланд, Виль-Эрих Пеукерт и ряд других исследователей. При этом каких-либо новых идей они не выдвигали, следуя в русле традиционных в немецком народоведении представлений.

Различные по своим убеждениям и научным позициям Шпамер и Бах в научных кругах включались в число наиболее крупных представителей народоведения 1920-х — 1950-х годов. Оба были выдающимися теоретиками и практиками, и воздействие их фундаментальных трудов было заметно в немецком народоведении и десятилетия спустя.

Что касается Наумана, то большая часть его современников относилась к его взглядам весьма скептически, что было, возможно, в какой-то мере обусловлено его пронацистской ориентацией. Несмотря на это в его концепции есть положения, заслуживающие внимания и не утратившие значения и в наши дни.

Весьма любопытна, однако не однозначна в научном и политическом смысле, фигура Шпамера. Он не был скомпрометирован связями с нацистским режимом. неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей и национал-социалистически настроенных коллег. После разгрома гитлеризма он встал на сторону демократических сил⁸. Хорошо характеризуют Шпамера слова известного филолога-германиста Артура Хюбнера, обращенные им в письме, датированном 1933 г., в нацистское Министерство науки, воспитания и народного образования в связи с обсуждением кандидатуры на пост заведующего кафедрой народоведения Берлинского университета: «...он (Шпамер.— Г. М.) лучшая голова в области теории среди народоведов... он, правда, непрактичен, поэтому надо дать ему в помощники умелого приват-доцента»⁹.

Вместе с тем при либеральных позициях этого ученого, в его теоретических взглядах, как это будет показано ниже, многое было созвучно нацистской идеологии, и, особенно на первых порах, Шпамер был готов к сотрудничеству с новым режимом. Так, в 1934 г. он писал: «Ответственность перед обществом (после прихода нацистов к власти.— Г. М.) не застала народоведение врасплох¹⁰. И эти слова нашли практическое подтверждение в том, что в 1934 г. Шпамер возглавил в созданном нацистским руководством «Имперском обществе немецких исследований» отделение народоведения и занимал руководящие посты в «Атласе немецкого народоведения», ставшем после 1933 г. рупором нацистской идеологии¹¹.

Теоретические и методологические взгляды Шпамера были весьма эклектическими и противоречивыми. Некоторая их созвучность официальной нацистской идеологии объясняется прежде всего тем, что сама эта идеология сложилась под сильнейшим влиянием романтической германистики и традиционного «канона» немецкого народоведения, типичным представителем которых был Шпамер.

В своих трудах значительное внимание он уделял исследованию предмета и задач народоведения. О первом он писал, что, хотя исследования в области народоведения направляются главным образом на изучение народа и его подразделений — племен, групп (Schlag), местностей, общин, — основное внимание уделяется не всей совокупности человеческих жизненных проявлений внутри избранного объекта, а только таким, которые характеризуют личность как «народного человека» в его общенародных и групповых связях¹². Шпамер резко возражал против понимания народоведения как науки, ограничивающейся проблемами изучения крестьянства «как якобы наиболее „типичного представителя“ примитивной, „неиспорченной“ культуры, как считалось в романтической германистике»¹³. В своих взглядах Шпамер выступал как последователь Рияля, призывавшего к изучению всех слоев немецкого общества. Этот призыв нашел широкий отклик среди многих исследователей. Так, другой крупнейший представитель народоведения этого времени Бах отмечал, что Шпамер много сделал

для того, чтобы отнять у немецкого народоведения характер науки о примитивной культуре и сделать ее учением о жизни немецкого народа, сделать главной ее задачей изучение того, как разворачивается духовная и умственная жизнь народа в своем единстве в различных слоях и группах населения. Бах подчеркивал, что, согласно взглядам Шпамера, задача народоведения состоит не «в откапывании культуры прошлого и устаревших культурных ценностей, а в выявлении „силовых потоков“ современной жизни, объединяющих старые и новые, но вечные явления»¹⁴. Что касается «силовых потоков», то Бах явно имел в виду гитлеровское движение.

Уточняя свое понимание народоведения, Шпамер утверждал, впрочем без достаточного основания и аргументации, что для современного ему состояния науки было характерно исключение из поля исследования проблем антропологии и обращение к проблемам «умственно-духовного статуса народных общностей» (*Geistig-seelischer Status der volkhaften Einheiten*). Сразу же следует заметить, что утверждение Шпамера о том, что немецкое народоведение исключило из сферы исследований антропологические (а тем самым и расово-геополитические) сюжеты, далеко от действительности; в этом нетрудно убедиться, ознакомившись с рассматриваемыми ниже научными позициями Баха, а также «трудами» многих «коричневых» и «черных» представителей нацистского народоведения. Это утверждение было неверным даже для того времени, когда был написан рассматриваемый труд Шпамера¹⁵, а тем более для периода с 1933 по 1945 г. Да и сам Шпамер шел на известную уступку расизму, одобряя деятельность «молодых исследователей», стоявших на позициях расового учения и «исходивших из мысли, что существует тесная связь между телесными и духовными явлениями и что психическое развитие зависит от физических свойств человеческих общностей»¹⁶.

Шпамер высоко ценил Рия как основоположника немецкого народоведения и был сторонником многих его теоретических положений. Но одновременно он отмечал, что некоторые идеи Рия уже устарели, прежде всего его деление немецкого народа на три сословия: дворянство, бюргерство, крестьянство. Как он считал, со времени исследований Рия были достигнуты значительные успехи прежде всего потому, что наука взяла на вооружение сравнительный метод. Исследования отсталых внеевропейских народов позволили, по мнению Шпамера, понять «первичные элементы» в собственном народе. Утверждая это, Шпамер выступал как последователь романтической германистики, считая, что эти «первичные элементы» позволяют посредством социологических исследований воссоздать картину «народного организма» (*Volkischen Organismus*), ход его возникновения и изменения во времени. Только соединение методов этнологии и социологии позволяло, как утверждал Шпамер, уточнить «народоведческое понятие народ» (*volkskundlichen Volksbegriff*). По его словам, народ как объект познания следует рассматривать в качестве человеческого сообщества, объединенного духовными и интеллектуальными связями и обитающего на определенном «народном пространстве» (*Volksraum*)¹⁷. Использование Шпамером этого понятия указывает на близость его идей к положениям боннской культурно-географической школы, непосредственно причастной к формированию геополитических представлений.

Главное, пожалуй, место в теоретических построениях Шпамера занимало обоснование представления о коллективной и индивидуальной психологии как истоках народной культуры. Трудно сказать, насколько повлияли на него взгляды Бастиана и Дюркгейма. Но во всяком случае при рассмотрении указанных проблем он нигде на этих ученых не ссылается.

Формирование не только духовных, но и материальных ценностей имело, согласно взглядам Шпамера, психологические основы. Так, следствием определенных психологических установок он объясняет переход элементов городской моды в деревню. Как он полагал, одежда крестьян в форме и деталях соответствует «миру идей» этого слоя населения¹⁸. Поэтому изучение, скажем, материальной культуры Шпамер рассматривал не как самоцель, а как способ исследования

психологии «духовного носителя» этой культуры — «народного человека». Усматривая главную задачу народоведения в выяснении глубинных явлений народной психологии, Шпамер допускал, что она формировалась не только на основе врожденных психических свойств, но и под воздействием исторических процессов, понимаемых им как смена метафизических состояний, и как следствие воздействия на народ характера территории и географической среды его обитания¹⁷.

Любопытны рассуждения Шпамера о соотношении понятий «человек» и «народ», в которых особенно отчетливо выступают черты его методологии психологизма. По его словам, народоведение рассматривает и изучает человека только как представителя «типа» определенной общности, как члена «народного древа» (Volksstamm — трудно переводимое понятие, широко использовавшееся в трудах германистов и характерное для нацистской фразеологии) или, уже профессиональных или социальных общностей, составляющих «народную общность», «народное целое» (Volksganze). При этом, как полагал Шпамер, обобщенный тип «народного человека» не принадлежит ни к какой обособленной духовно-социальной группе внутри нации, а проявляет себя в любом слое в соответствии со своим интеллектуальным развитием как носитель врожденной «естественной» совокупности духовных черт. По мнению того же автора, существует неизменная человеческая натура, которая заключается прежде всего в комплексе неких изначальных свойств (Urgut)²⁰. Нельзя не подчеркнуть, что если эти выводы Шпамера и не были субъективно направлены на поддержку нацистской идеологии, объективно они шли с ней в одном русле. Как известно, одним из важнейших идеологических и политических положений нацизма было утверждение социальной однородности немецкого народа под руководством фюрера. Рассматриваемые взгляды были для Шпамера не случайными, а высказывались им и в более ранних работах. Так, еще в 1920-х годах он резко критиковал положения социалистического учения о классовом расслоении общества и писал, что общий духовный тип человеческих групп и всего народа в целом значительно сильнее, чем различия, порождаемые родом деятельности, хозяйством и др., и что главная задача народоведения — изучение этого общего духа²¹.

Говоря о Шпамере, нельзя не отметить, что, хотя его деятельность и убеждения часто называли либеральными, особенно в историографии народоведения ГДР и консервативного направления ФРГ, в его трудах содержится ряд положений, непосредственно созвучных нацистским доктринам. Так, достаточно одиозно звучали призывы Шпамера к народоведению «служить народу и государству»²², если принять во внимание, что ко времени публикации этих слов государство было нацистским, а понятие «народ» в официальной трактовке означало единый, социально не расчлененный организм, построенный на национал-социалистических основах. По мысли того же автора, народоведение должно было стать «учителем государственной жизни и управления», причем речь шла о нацистской Германии²³.

Яркое выражение нашли идейные позиции Шпамера в следующих его словах: «Долгое время господствовало ошибочное утверждение экономистов (имеются в виду, очевидно, марксисты.— Г. М.) о том, что культурные и цивилизаторские процессы вызваны хозяйственными явлениями. В действительности первичные действующие явления — умственно-душевные силы, и бледными выглядят абстрактные категории: общество, сообщество, сословие, класс, вид и др. перед реальными явлениями жизни: человек и народ»²⁴. В данном случае Шпамер выступает как последователь немецкого философского идеализма, в частности В. Вундта, а также некоторых взглядов Бастиана, согласно которым социальные явления вырастают из идей.

Давая оценку идейным позициям Шпамера, нельзя не отметить и других его положений, особенно созвучных нацизму. Так, утверждая, что «народоведение — служанка нужд и потребностей и а ш е г о в р е м е н и (выделено мною.— Г. М.)», Шпамер, превращая положение биологического расизма в психологизм, писал:

«Теперь возникает уверенность народа в том, что его духовные задатки — его судьба»²⁵.

Говоря о научной значимости трудов Шпамера, следует отметить, что им был собран и систематически изложен огромный эмпирический этнографический материал. Положительным в его теоретических взглядах был настойчивый призыв к изучению всех слоев общества, а не только крестьянства, и ориентация народоведения на современные проблемы. Но при этом Шпамер недооценивал значение изучения традиционной культуры. Ему был чужд историзм, и его социально-психологические построения отличались крайним субъективизмом. Вместе с тем научный авторитет Шпамера, то место, которое он занимал в народоведении, заставляет с большим вниманием относиться к его научному наследию, мало известному в нашей стране.

Как уже отмечалось, одним из крупнейших деятелей народоведения на протяжении более трех десятилетий, от середины 1920-х и до конца 1950-х годов, был Адольф Бах, виднейший представитель боннской культурно-географической школы народоведения²⁶. Исследователи, принадлежавшие к этой школе, разрабатывали главным образом проблемы связи природной среды и общества и были причастны к выработке ряда нацистских доктрин, главным образом геополитического характера. Разделяя в целом позиции этой школы, Бах по многим вопросам придерживался взглядов традиционной романтической германистики, хотя и выступал с ее критикой. Ряд его теоретических положений был весьма близок к нацистским концепциям.

Главный труд Баха — «Немецкое народоведение» выдержал три издания, причем последнее вышло в свет после второй мировой войны²⁷. В этом издании наряду с изложением своих теоретических взглядов Бах уделил значительное место историографии немецкого народоведения и предпринял попытку его анализа в годы нацизма и его национал-социалистских основ.

Как для довоенных, так и для послевоенных работ Баха характерны тенденциозность в историографических оценках, неполнота и отрывочность в изложении истории немецкого народоведения, преувеличение его заслуг, романтически-националистические и шовинистические настроения. Собственные концепции Баха несли на себе сильный отпечаток идей Дюркгейма и Леви-Брюля в их немецкой интерпретации, имеющих выраженный «нордический» характер.

Бах не выступал как открытый апологет гитлеризма и нацистской идеологии. Однако будучи лояльным к режиму, он развивал взгляды, созвучные основам нацистской идеологии, а порой высказывал мысли, аналогичные нацистским доктринам, особенно в отношении пресловутой концепции «земли и крови», связи народа с его расовыми признаками. Методологически Бах был типичным представителем культурно-географических взглядов и националистического романтизма в германистике и народоведении. Приверженность Баха к традиционным концепциям германистики и лояльность к властям создали ему в 1930-х и более поздних годах прочные позиции в немецком народоведении.

Одну из основных задач своей науки Бах усматривал в «служении практическим целям национал-социализма», в использовании ее «для нужд народа»²⁸. Положительно оценивая теоретические взгляды Шпамера, в частности его выводы о важном значении для формирования народной культуры влияния вождей, Бах писал, что главная заслуга Шпамера состоит в «освобождении» немецкого народоведения от преимущественного исследования примитивных явлений и утверждении его в виде науки о всем немецком народе²⁹.

Наиболее, пожалуй, характерным для взглядов Баха был призыв возврата к немецкому романтизму в духе Риле. В связи с этим он отмечал, что интерес к Науману постепенно падает и идет возврат к идеям Риле. При этом особенно важным он находил идеи Риле о необходимости изучения в первую очередь современного общества, всех его слоев, что, по словам Баха, отвечало задачам «современной» (т. е. нацистской) политики и воспитания народа. Разумеется, имелось в виду воспитание в национал-социалистском духе. Бах писал, что только

«национал-социалистская действительность дала возможность пробить дорогу понятию „немецкий народ“ в духе Рилля. Вследствие этого народоведение стало важной наукой, его не могло быть в либерально-марксистскую эпоху (имеются в виду 1920-е годы.— Г. М.), когда народоведению предпочитали интернационально-ориентированную социологию. Национал-социализм указал, что народность (в смысле „народный“.— Г. М.) нельзя понять, не учитывая реальную основу, и это придает глубину народоведческой работе». Попутно Бах положительно оценивает работы наиболее нацистски настроенных представителей народоведения, таких как М. Циглер, Л. Макензен, разделяя их крайние взгляды о «народоведении на расистской основе»³⁰. Он считал, что идея «народности» (Volkstum) как явление характеризующее именно немецкую культуру, сложилась на расовых основах. По мысли Баха, хотя перед народоведением стоят задачи главным образом социально-психологические, а не расово-психологические, тем не менее они могут решаться только при учете расово-психологического фактора³¹.

Судя по публикациям Баха, он разделял стремление ряда деятелей народоведения поставить свою науку на службу национал-социализму и в связи с этим ориентировать ее главным образом на изучение современных процессов. Бах не считал существенным, каким образом это произойдет: либо путем превращения народоведения во всеобъемлющую социальную науку в виде «народной антропологии», как это предлагал Освальд Крох, либо посредством переориентации его во всеобщую историю культуры (Эдуард Крайер). Главное, по его словам, состояло в том, что для «национал-социализма очень важно создать науку о немецком народе, в которую войдет народоведение»³². На долю народоведения, как полагал Бах, приходило изучение «общественного мировоззрения» и «общественного народного духа», «свойств немецкого народа и его органически выросших групп» (Gemeinschaftsgebundenes Weltbild, gemeinschaftsgebundene Geistesart des deutschen Volkes und seiner organisch gewachsenen Gruppen)³³.

Рассматривая достижения и задачи по изучению немецкого народа, Бах опирался на выводы одного из идеологов национал-социалистского режима А. Хельбока, следующим образом определявшего понятие «немецкий народ»: «Это органическая общность людей, соединенных через кровь и язык, совместно обитающих в определенной области, причем между территорией и людьми происходит постоянное взаимодействие, которое получает высшее выражение в идеях общности, общего происхождения и единства (Gemeinschaftsidee)»³⁴.

Много внимания уделял Бах детальному изложению своих взглядов относительно существа народоведения, его задач и методов. Так как эти взгляды имели в свое время немалое влияние на развитие народоведения и их воздействие чувствовалось и в ряде исследований в послевоенное время, на них необходимо остановиться более подробно.

Объект исследования Бах усматривал в изучении всего немецкого народа в целом как некоей культурной общности (Kulturvolk), не ограничиваясь пределами Германского государства («nicht Reichsdeutsch, sondern Volksdeutsch»). При этом народоведение должно быть не просто суммой знаний о народе, а наукой, занимающейся в первую очередь проблемами современного «народно-духовного общественного достояния» (данный перевод выражения Баха: «sich mit den volkshaftern geistigen Gemeinschaftsbesitz bescheftigen» — довольно приблизителен из-за специфичности нацистской фразеологии). Названная проблема включает два основных вопроса, требующих исследования: состояние народного мировоззрения (Volkshafte Weltbild) в отдельных группах и во всем народе в целом и характер народного самосознания (Volkshafte Geistesart). Одновременно народоведение, по словам Баха, — это изучение духа анонимного немецкого гражданина (Geisteskunde des unbekanntenen deutschen Volksgenossen), исследование характера и духа чистокровного немецкого человека (Charakter und Geisteskunde des artgebundenen deutschen Menschen)³⁵. Нельзя не отметить, что как в приведенных выше формулировках Баха, так и вообще в большей части его труда он пользо-

вался самой вульгарной и одиозной нацистской терминологией, характерной для гитлеровской политической литературы.

Задачи народоведения Бах определяет как необходимость изучения «народных общественных связей в мировоззрении и свойства духа» (Volkshafte Gemeinschaftsbindung im Weltbild wie in der Geistesart). Формирование этих свойств происходило, по его мнению, в какой-то мере под влиянием высших слоев общества, но главную роль играли изначальные «материнские слои».

Бах настойчиво подчеркивал, что при изучении материальной культуры (Sachgut) народоведение должно интересоваться только тем, что лежит в сфере духовного отношения к ней народа. Так, в жилище народоведение интересуют ставшие традицией идеи в приемах строительства и в интерьере, в одежде — связанные с костюмом обычаи. При этом, как он полагал, духовный облик народа может быть выявлен только на основе изучения явлений, выражающих духовные ценности как отдельных групп народа, так и совместные материальные и духовные ценности всего народа в целом. Все это вместе взятое и является мировоззрением народа, т. е. суммой общих для народа и его групп представлений и связанных с ними оценок.

Изучение духа и мировоззрения народа должно, по Баху, начинаться с исследования всей совокупности связей и действий, всего материального и духовного народного достояния, бытующего в народном сообществе (Volkshafte Gemeinschaft), группового отношения народа к окружающему: к Богу, праву, государству и церкви. При изучении технологических знаний, хозяйства и т. п. следует обращать внимание только на то, что составляет общее достояние народной группы. К этому Бах добавляет: «Так как указанные явления формируются и бытуют в связи с расовым своеобразием народа, обитающего на определенной территории, то народоведческие исследования необходимо дополнять изучением расово-географических явлений»³⁶.

Развивая далее свою концепцию, Бах определяет методику исследования и очерчивает круг проблем, которые народоведение может решать во взаимодействии с другими науками. Он предлагает предварительно изучить расовые основы культуры, историко-географическое прошлое народа, отображение в индивидуальном творчестве «группового духа», наконец, общее культурное достояние народа. В качестве главных вопросов он называет мировоззрение, духовный склад и духовные свойства немецкого народа и его групп. Обратившись к мировоззрению и психологии сословий или политических групп, Бах отметил, что народоведение входит в круг проблематики социально-психологических наук. При этом, как он полагал, своеобразие народоведения заключается в том, что оно ориентировано на исследование мировоззрения и психических свойств целого народа. Из этого делается вывод, что задача народоведения заключается не в изучении примитивных явлений, свойственных всем народам мира, «как полагают многие исследователи», а только явлений, специфических для немцев, причем не только примитивных, но и современных³⁷.

В дополнение к своим теоретическим обобщениям Бах поясняет, что он имеет в виду под понятием «народный», «народность». Социальные группы, согласно его взглядам, не обладают комплексом черт, позволяющих считать, что они наделены специфическими «народными» признаками (Volkstum). Только все социальные группы вместе в связи с особенностями географического пространства, где они обитают, приобретают общие «народные» (Volkshaft) черты «народных» (volkstum) групп. Особенно подчеркивал Бах значение при изучении рассматриваемого им круга явлений «пространственной мысли». С «географическим пространством» Бах связывал «духовное пространство», получающее выражение через сочетание «свойств географической территории и расовых свойств обитающих на ней людей». Духовное своеобразие народа и его групп, по мысли Баха, определяется целиком расовыми наследственными признаками народа, которые сложились в условиях определенного пространства. Расу же он определяет как группу людей,

обладающих сходными физическими и духовными свойствами, целиком наследственными³⁸.

Заключая свои теоретические выводы, Бах следующим образом формулировал задачи немецкого народоведения: это «наука о настоящем и будущем народного мировоззрения и народного психического склада в жизненном пространстве немецкого народа и органически с ним связанных его территориальных групп (за пределами Германии. — Г. М.)». Из сказанного он делает вывод, что традиционное название науки — «народоведение» (Volkskunde) — не соответствует ее современному содержанию³⁹.

Таким образом, при всей сложности и недостаточной ясности теоретических построений Баха его концепция сводилась в конечном счете к пониманию народоведения как науки о духовных свойствах немецкого народа, являющихся следствием неких мистических особенностей жизненного пространства и расово обусловленных психических черт, т. е. все к той же пресловутой нацистской доктрине «земли и крови». При этом Бах утверждал, что полноценные духовные свойства присущи только немецкому народу, в связи с чем он всячески восхвалял высокие свойства «нордического человека»⁴⁰.

Нельзя, однако, не отметить, что в отличие от весьма противоречивых и эклектичных построений Баха, сочетающих в себе националистические и шовинистические черты немецкой романтической германистики и расистские геополитические представления, его описания и обобщения фактического материала отличаются высокими достоинствами, полнотой и достоверностью и не утратили значения и до настоящего времени. Очевидно, как раз эта часть деятельности Баха была причиной переиздания в 1960 г. его труда, хотя к его прошлым, а частично и послевоенным теоретическим построениям многие авторитетные представители народоведения Западной Германии относились достаточно критически⁴¹.

Рассматривая состояние теоретической мысли в немецком народоведении между двумя мировыми войнами, нельзя не остановиться на характеристике деятельности и взглядов Наумана после захвата Гитлером власти⁴². Это тем более интересно, что подобного рода метаморфоза была типична для многих представителей народоведения того времени.

Начиная с 1932 г. Науман публикует ряд статей, написанных с крайних нацистских позиций. Стремясь заслужить доверие властей, Науман выступал с речами и статьями, восхвалявшими Гитлера и нацистское «движение»⁴³.

Воздействие нацистской идеологии заметно проявилось и в третьем издании его основного труда, вышедшем в свет в 1935 г.⁴⁴ В предисловии автор отмечает, что он изменил в новом издании только порядок слов в заглавии книги, выбросил иностранные слова, заменив их немецкими, а также «поставил задачу перекинуть мост к современности». Как понимал Науман эту современность, ясно видно из дальнейших разделов его труда. Во введении он, подводя итоги своим прежним исследованиям, отмечает, что в культурной жизни народа ведущими являются два процесса: «восприятие общенародной культурой примитивной общей культуры (Gemeinschaftskultur), древней и вечно юной, сохраняющейся главным образом в среде крестьянства, но остатки которой встречаются и у других сословий; и процесс „опускания“ (hinabsinken) культурного достоинства ведущих слоев населения, перерабатываемого и сохраняемого низшими слоями»⁴⁵.

Далее автор предпринимает любопытную попытку увязать свою концепцию с нацистскими доктринами и утверждает, что его «примитивная общность» не что иное, как один из основных постулатов национал-социализма и расовой теории, а именно «кровь и земля». Оправдываясь перед критиками своей теории, Науман заявлял, что термин «примитивный» не имеет в его употреблении никакого уничижительного оттенка, к тому же «современное государственное руководство сурово предупреждает против романтических бредней о прошлом». Опираясь на высказывания Гитлера, Науман пишет, что следует противопоставлять «примитивные силы самоутверждения» «разуму», так как только первым свойст-

венно «вечное обновление». Разум понимался в данном случае как враждебные духу нацизма либеральные идеи и интеллектуализм⁴⁶.

Совершенно новой для идей Наумана в этот период была попытка обоснования принципа «вождизма», одной из главных идеологических основ национал-социализма. При этом он пытался увязать этот принцип с концепцией «опущенного культурного достояния», отмечая, что «в связи с утверждением принципа вождей (Führerprinzip) в государстве, жизни, истории, огромным влиянием слоя вождей на поведение, веру, мысли ведомых слоев (der geführten Schichten) только безнадежный демократ может отрицать, что часть культурных ценностей народа делается в высших слоях, что эти ценности определяются и выражаются личностями». При этом, по словам Наумана, для культуры и всего будущего немецкого народа особенно важно то, что слой вождей коренится не в чужеродных западных (англо-американских.— Г. М.) культурных ценностях, а использует глубинные народные ценности, очищает их и опять «опускает» в народ. «Современное немецкое руководство могучими силами осуществляет то, что своими слабыми силами пытались осуществить германисты. Современное руководство Германии активизирует не просто отдельные элементы культуры, а „народность“ в целом (имеется в виду не этническая общность, а народный дух.— Г. М.). Эти идеи принадлежат теперь не только высшему кругу, а всем слоям общества». Свои сентенции Науман заключает в чисто нацистском пропагандистском духе, говоря, что при национал-социализме образованные слои воспитываются в духе «общественных ощущений» и «общественной жизни», а массы — в духе «национально-осознанного солдатского поведения»⁴⁷.

Однако все усилия Наумана войти в доверие к нацистскому руководству остались втуне. Ему не простили обозначения состояния немецкого крестьянства как примитивного и недооценки «творческой мистической силы немецкого народного духа». Вплоть до бесславного конца гитлеризма концепция «опущенного культурного достояния» продолжала оставаться объектом ожесточенных нападок со стороны нацистского руководства и наиболее реакционной части немецкого народоведения.

Как уже отмечалось, в народоведении Германии, Австрии и Швейцарии помимо теоретических разработок велось интенсивное изучение культуры и быта, психологической ориентации немецкоязычного населения. Главным образом изучалась крестьянская жизнь, но уже в начале 1930-х годов появились первые работы, посвященные городским рабочим. Большой фактический материал содержался в работах крупнейших представителей народоведения. Число работ, посвященных эмпирическим этнографическим описаниям, столь велико, что простое перечисление авторов и названий их публикаций заняло бы десятки страниц, а их анализ требует специального исследования. Поэтому можно отметить только некоторые труды наиболее в рассматриваемое время известных ученых, а также те исследования, в которых содержится библиография по той или иной проблеме этнографии.

В числе ученых, особенно известных своими работами в области этнических аспектов культуры и народоведения крупных регионов, населенных немецкоязычным населением, следует назвать А. Шпамера, А. Баха, Г. Аубина, Т. Фрингса, М. Х. Бозма, Е. Могка, В. фон Герамба, Ю. Швиетеринга, В. Песслера, В. Э. Пеукерта, О. Лауфера⁴⁸.

Было издано шесть выпусков «Атласа немецкого народоведения», в которых содержались самые разнообразные сведения по этнографии Германии⁴⁹. Пеукерт и некоторые другие народоведы публиковали данные о жизни городского рабочего населения⁵⁰.

Некоторое, хотя, пожалуй, несколько недостаточное внимание уделялось специальным исследованиям хозяйства и материальной культуры, несмотря на то, что указанные проблемы отражались в названных трудах Шпамера, Баха и в других обобщающих работах по народоведению. Отдельные исследования по этим

проблемам публиковались Г. Кохом, К. Брумером, А. Хаберландом, Х. Лоренпом, Г. Б. Минком, Р. Петшем, М. Розенталем, Х. Бекером, Р. Восидло, Ф. Ранке, В. Кребсом, В. Эссе и др.⁵¹

В Австрии проблемы хозяйства и материальной культуры исследовались Л. Шмидтом, А. Допшем, М. Хаберландом, Х. М. Фуксом и др.⁵², в Швейцарии — Э. Хоффман-Крайером, А. Вальдмейер-Брокманом, А. Блеттером, В. Гирсом и некоторыми другими⁵³.

Огромная литература, особенно в Германии и Австрии, была посвящена духовной культуре немецкоязычного населения, причем главными проблемами исследований были вопросы индивидуальной и коллективной психологии. В Германии наиболее известные труды в этой области принадлежали Шпамеру, Баху, Науману, Бейтлу, Ферле, Фрингсу, Пеукерту, Вольфу, Куммеру, Зиберту, Шрейберу.

С исследованиями духовной культуры населения Австрии были связаны работы Л. Шмидта, В. фон Герамба, М. Хаберланда, А. Доррета, А. Хельбока, К. Вейнхольда, Р. Вольфрама и других авторов⁵⁵.

В Швейцарии сходным проблемам были посвящены некоторые труды Хоффман-Крайера, Вазера, Фера, Эшера⁵⁶.

Довольно интенсивная работа велась в области публикации энциклопедических и справочных изданий по народоведению⁵⁷.

В заключение следует еще раз отметить, что теоретические и эмпирические исследования, созданные в немецком народоведении между началом 1930-х и серединой 1940-х годов, содержат многие интересные и заслуживающие внимания мысли и огромный, весьма ценный фактический материал, практически не получившие отражение в нашей отечественной литературе. Между тем эти работы нуждаются в анализе, обобщении и теоретической интерпретации с современных позиций и могут дать богатую пищу для наших специалистов, изучающих этнологию, историю нацизма, политологию и другие смежные науки.

Что касается положения народоведения в рассматриваемое время и его оценки современниками, то его во многом пронацистская ориентация, выпады против «западной», т. е. англо-американской, «декадентской», «упаднической» культуры, снижение интереса к фундаментальным теоретическим исследованиям создали народоведению в среде немецкоязычной интеллигенции, вынужденно сохранявшей молчание, дурную славу. Народоведение ставилось на одну доску с нацистской пропагандой, и его вообще отказывались рассматривать как науку. С чем много было написано в послевоенное время, когда ему вспомнили все его грехи, и прежде всего то, что оно было вместе с романтической германистикой в многом предтечей националистической и шовинистической нацистской идеологии и психологического, а в какой-то мере и биологического расизма. Народоведение было объявлено персоной нон грата, и стоял вопрос о его запрещении как отрасли нацизма. И только приход в народоведение в послевоенное время новых свежих сил, развертывание молодыми учеными нелицеприятной и жесткой критики прошлого этой науки позволили ей возродиться и занять достойное место среди других гуманитарных дисциплин. Однако это уже другая история, и рассказу о событиях в народоведении после 1945 г. должна быть посвящена новая работа.

Примечания

¹ Марков Г. Е. Из истории немецкого народоведения // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1990. № 2.

² Марков Г. Е. Немецкое народоведение от начала XX в. до 1933 г. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4.

³ Rosenberg A. Der Mythos des 20 Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1934.

⁴ Bohem M. N. Die Krise der Volkskunde // Archiv für Landes- und Volksforschung. 1937. Bd. 1.

⁵ Beyer P. [Bemerkungen] // Dichtung und Volkstum. 1941. Bd 41. S. 96.

⁶ Scheel G. A. Die studentische Kameradschaft. O. O. 1933.

⁷ Ziegler M. Volkskunde auf rassischer Grundlage // National-sozialistische Monatshefte. 1934. Hf. 5. S. 9.

⁸ Адольф Шпамер, 1883—1953 гг. Родился в Дармштадте в семье врача. Изучал германистику.

историю искусства, национальную экономику. Преподавал в качестве доцента в Дрездене. В 1936 г. возглавил вновь открытую кафедру народоведения при Берлинском университете. Шпамер неоднократно вступал из-за своей либеральной деятельности в конфликты с администрацией университета и нацистскими властями, вследствие чего нацисты воспрепятствовали его приему в члены Прусской академии наук. После окончания войны в 1946 г. он был избран в члены академии и ему было поручено возглавить «Академическую комиссию по народоведению» в советской зоне оккупации Германии, позднее в ГДР. По состоянию здоровья не смог завершить работу. Ее продолжил Вольфганг Штейниц (1905—1967), виднейший этнограф-марксист ГДР. См.: *Jacobeit W., Mohrmann U. Zur Geschichte der volkskundlichen Lehre unter Adolf Spamer an der Berliner Universität (1933—1945)*//*Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 1982. Bd. 23. S. 283—298.

⁹ *Jacobeit W., Mohrmann U. Zur Geschichte ...* S. 286.

¹⁰ *Spamer A. Volkskunde*//*Germanistische Philologie. Ergebnisse und Aufgaben*//*Festschrift für Otto Behagel*. Heidelberg, 1934.

¹¹ *Jacobeit W., Mohrmann U. Zur Geschichte ...* S. 284 ff.

¹² *Spamer A. Die Volkskunde als Wissenschaft*. Stuttgart, 1933. S. 8.

¹³ *Ibid.* S. 12.

¹⁴ *Bach A. Deutsche Volkskunde. Ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben. Eine Einführung*. Leipzig, 1937. S. 50, 51.

¹⁵ Основу этого труда составила речь, произнесенная Шпамером в 1929 г. в связи с 25-летием «Союза немецких обществ народоведения». В 1933 г. при переиздании книги в нее были внесены некоторые существенные изменения в связи с приходом нацистов к власти, отвечающие задачам новой идеологии. См. также труды Шпамера: *Die deutsche Volkskunde*. Bd. 1, 2. Leipzig; Berlin, 1934—1935; *Bilder zur deutschen Volkskunde*. Leipzig, 1937; *Stand und Aufgaben der deutschen Volksforschung*//*Mitteldeutsche Blätter für Volkskunde*. 1935. Bd. 10.

¹⁶ *Spamer A. Die Volkskunde als Wissenschaft*. S. 9.

¹⁷ *Ibid.* S. 6, 7.

¹⁸ *Ibid.* S. 14, 17.

¹⁹ *Ibid.* S. 20.

²⁰ *Ibid.* S. 10, 11.

²¹ *Spamer A. Um die Prinzipien der Volkskunde*//*Hessische Blätter für Volkskunde*. Bd. XXIII. S. 101.

²² *Spamer A. Die Volkskunde als Wissenschaft*. S. 32. Странное на первый взгляд сходство в оценках деятельности Шпамера в историографии ГДР и правого крыла народоведения в ФРГ объясняется довольно просто. После окончания войны Шпамер остался в восточной зоне оккупации Германии (позднее ГДР), где занимал почетные посты, что давало безусловную индульгенцию от прошлых грехов. Правые круги в народоведении ФРГ сразу после окончания войны стали прилагать значительные усилия для реабилитации этой науки в глазах общественности и замалчивали все плохое, что было в прошлом. К тому же Шпамер принадлежал к когорте правоверных последователей традиционного «канона» в народоведении.

²³ *Spamer A. Die Volkskunde als Wissenschaft*. S. 37.

²⁴ *Ibid.* S. 34.

²⁵ *Ibid.* S. 39, 40.

²⁶ Адольф Бах родился в 1890 г. Окончил университет по отделению германистики. С 1924 г. приват-доцент в Дармштадте. С 1927 г. доцент Боннского университета. В 1931 г. получает там профессию. С 1941 по 1945 г. профессор Страсбургского университета. В 1956 г. вышел на пенсию.

²⁷ *Bach A. Deutsche Volkskunde*. 1 Auflage. Leipzig, 1937. Второе издание 1944 г. почти целиком погибло, сохранились лишь единичные экземпляры. Третье издание — Heidelberg, 1960. Ниже цитируется издание 1937 г. См. также: *Bach A. Deutsche Mundforschung — ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben*. Heidelberg, 1950; *idem. Das eigenständige Volk*. Darmstadt, 1932 (Neudruck-Darmstadt, 1964).

²⁸ *Bach A. Deutsche Volkskunde*. S. 2.

²⁹ *Ibid.* S. 12.

³⁰ *Ibid.* S. 57. Рассматривать работы названных авторов, как и многих их современников, не имеет смысла, так как они содержат главным образом нацистские декларации и расистские построения и ни научной, ни иной ценности не имеют. См.: *Ziegler M. Volkskunde auf rassischer Grundlage*//*Nationalsozialistische Monatshefte*. 1934. N. F.; *Makensen L. Volkskunde vor der Entscheidung*//*Jahrbuch für historische Volkskunde*. 1935. Bd. 5.

³¹ *Bach A. Deutsche Volkskunde*. S. 57.

³² *Ibid.* S. 65—67.

³³ Более точный перевод этих выражений едва ли возможен, так как это специфическая нацистская терминология, и словосочетания имеют иносказательный смысл, не соответствующий нормам немецкого литературного языка. См. специальную работу: *Klemperer V. LTI*. Leipzig, 1980.

³⁴ *Helbock A. Was ist Volksgeschichte?* Berlin; Leipzig, 1935.

³⁵ *Bach A. Deutsche Volkskunde*. S. 69.

³⁶ *Ibid.* S. 72.

³⁷ *Ibid.* S. 73, 74.

³⁸ *Ibid.* S. 77, 79, 80, 83—85 у. а. Эти положения Баха целиком согласовались с позициями боннской культурно-географической школы.

³⁹ *Ibid.* S. 77.

⁴⁰ *Ibid.* S. 92.

⁴¹ *Emmerich W. Germanistische Volkstumsideologie. Genese und Kritik der Volksforschung im Dritten Reich*. Tübingen, 1968.

⁴² О научной и политической деятельности Х. Наумана до 1933 г. см.: *Марков Г. Е. Немецкое народоведение от начала XX в. до 1933 г. С. 71 сл.*

⁴³ *Naumann H. Deutsche Nation in Gefahr. Stuttgart, 1932; idem. Kampf wieder den undeutschen Geist. Bonn, 1933; idem. Deutschland und Italien. Bonn, 1939; idem. Ansprache zur Feier des 50. Geburtstages des Führers//Bonner akademische Reden. Bonn, 1939. Hf 28.*

⁴⁴ *Naumann H. Deutsche Volkskunde in Grundzügen. 3. Auflage. Leipzig, 1935.*

⁴⁵ *Ibid. S. 3.*

⁴⁶ *Ibid. S. 8.*

⁴⁷ *Ibid. S. 9, 10.*

⁴⁸ Например: *Lauffer O. Niederdeutsche Volkskunde. Leipzig, 1917; idem. Land und Leute = Niederdeutschland. Berlin; Leipzig, 1934; Sartori P. Wesfälische Volkskunde. Leipzig, 1922; Lehmann E. Süddeutsche Volkskunde. Leipzig, 1926; Aubin H., Frings T., Müller J. Kulturströmungen und Kulturprovinzen in der Rheinländern. Bonn, 1926; Plattdeutscher Welt-Atlas von Norddeutschland/Peßler W. Hannover, 1921; Kaiser K. Atlas der pommerischen Volkskunde. 2 Bd. Greifswald, 1936; Spamer A. Bilder zur deutschen Volkskunde. Leipzig, 1937.*

⁴⁹ *Atlas der deutschen Volkskunde/Harmayanz H., Rohr E. Lieferungen: Karten 1—20. Leipzig, 1937—1939.*

⁵⁰ Например: *Rühle O. Illustrierte Kultur- und Sittengeschichte des Proletariats. B., 1930; Peukert W.-E. Volkskunde des Proletariats. Frankfurt a/M., 1931.*

⁵¹ Например: *Brummer K. Ostdeutsche Volkskunde. Leipzig, 1925; Koch G. Bauernkultur//Hessische Blätter für Volkskunde. 1924. Jg. 23; Haberland A. Die deutsche Volkskunde (Volk, Grundriss der deutschen Volkskunde). Bd. 1. Halle/Saale, 1935; Ranke K. Siedlungen und Genossenschaften. B., 1935.*

⁵² Например: *Haberland M. Einführung in die Volkskunde mit besonderer Rücksicht Österreichs. Wien. 1924; Geramb V. Steirisches Eisen. Graz, 1937; Schmidt L. Wiener Volkskunde. Wien, 1940.*

⁵³ Например: *Hoffmann-Krayer E. Volkskundliche Bibliographie für die Jahre 1917—1928. Strassburg. 1919—1933.*

⁵⁴ Эти проблемы находились в центре внимания в названных выше трудах Шпамера, Баха, Наумана. См. также: *Frings Th. Reinische Sprachgeschichte. Marburg, 1922; Fehrle E. Grundfragen der Volkskunde. Arbeiten zur deutschen Volkskunde und zur deutschen Dichtung. Festgabe für Friedrich Panzer. Leipzig, 1930; Beittl R. Deutsche Volkskunde von Siedlung, Haus und Lied, von Glauben und Volk, von Sage, Wort und Lied des deutschen Volkes. B., 1933; Bach A. Deutsche Mundartforschung. Heidelberg, 1934; Spamer A. Deutsche Fastnachtbräuche. Jena, 1936; idem. die Volkskunde//Grundzüge der Deutschkunde/Hofstaetter W., Achtnabel Fr. Bd. 2. Leipzig, 1929; idem. Bilder zur deutschen Volkskunde. Leipzig, 1937; проблемы духовной культуры были широко отражены в публикациях боннской культурно-географической школы (Боннского института культурно-географических исследований).*

⁵⁵ Например: *Haberland M. Einführung in die Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung Österreichs. Wien, 1924; Die deutsche Stämme und die moderne Volksforschung//Volkskundliche Gaben. Von Meyer zum 70. Geburtstag dargebracht. Berlin; Leipzig, 1937.*

⁵⁶ Например: *Hoffmann-Kreyer E. Feste und Bräuche des Schwizervolkes. Neudruck; Zürich, 1940.*

⁵⁷ *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens/Bächtold-Stäubli H. 10 Bd. Berlin; Leipzig, 1927—1942; Handbuch der deutschen Stammeskunde/Peßler W., Bach A. Potsdam, 1940; Boehm M. ABC der Volkskunde. Göttingen, 1936; Beittl R. Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1936.*

Völkerkunde and Fascism in Germany. A Failure of the Science

In the 19th century in Germany, Austria and Switzerland on the base of romanic germanistic and so-called «state science» there were appeared three branches of German Völkerkunde. The main task of such science was investigations of cultural and psychological specificity of German speaking population in these countries. Extreme Nationalistic and chauvinistic political theories of Völkerkunde became a base of National Socialistic ideology. In described period the main part of Völkerkunde representatives came in collaboration with a new regime and there were formed three centers of National Socialist ethnology. After 1933 the number of theoretical investigations was increased and a main part of the scientists collected and published empirical ethnic materials. A. Spamer, A. Bach and H. Naumann are most well-known with their ideas of the great role of leaders in German society, of the unity of social structure of National Socialist State and heredity of racial psychological features.

G. E. Markov